

ΛΕΣ

Сергей Михайлов

Лес

<https://litres.ru/74449478>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рюкзак. Термос. Сигареты в кармане. Он идёт по лесу и не помнит, когда начал. Тропа ведёт через овраги, поляны, мёртвые кострища. Пахнет хвоей и прелой листвой. Пахнет чем-то, чего не было в городе. Каждый запах вытаскивает из памяти то, что он запретил себе вспоминать. Мать. Жену. Сына. Обещания, данные и не сдержанные. Лес не отпускает, пока не будешь готов. А он пока не готов.

Содержание

Предупреждение	4
ЛЕС	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Михайлов

Лес

Предупреждение

Этот лес существует только в воображении. Его сосны, тропы и тайны — плод фантазии автора. Здесь нет ни знакомых лиц, ни отголосков реальных историй, ни отсылок к прошлому.

Если тени деревьев вдруг напомнят вам чьи-то силуэты, а шорох листвы покажется знакомым — остановитесь. Если запахи хвои и прели пробудят болезненные воспоминания, не продолжайте чтение.

В этих строках нет правды, только вымысел. Автор не следил за вами, не подслушивал ваши истории и не крал ваши воспоминания. Всё, что здесь описано — игра слов и образов, не более того.

Берегите свой покой. Если строки этого рассказа начинают тревожить вашу душу, лучше отложите его. В лесу слов можно заблудиться, но выход всегда есть — просто закройте книгу.

Помните: этот путь ведёт лишь туда, куда ведёт автор, и не пересекается с дорогой вашей жизни.

ЛЕС

Сосны стояли ровными рядами, напоминая колонны заброшенного храма. Их стволы, покрытые чешуйчатой корой, тянулись к небу, теряясь в синеве. Где-то в вышине, на недоступной высоте, глухо шумела крона — звук напоминал шум прибоя, который накатывал и отступал вместе с порывами ветра.

Артём шёл по широкой песчаной дороге, уходившей вперёд выгоревшей на солнце лентой. Песок здесь был светлым, почти белым, и непривычно мягким. С каждым шагом он вяз под подошвами кроссовок, издавая тихий, скрипучий звук. Ноги слегка подкашивались, икры напрягались от непривычной нагрузки, заставляя его идти медленнее и сбивая с обычного, торопливого городского ритма.

Он остановился, снял с плеча рюкзак и поставил его на песок. Молния расстегнулась с тихим металлическим щелчком. Достал термос — прохладный снаружи, хотя внутри всё ещё хранил жар. Открутил крышку, и в лесной воздух ударил тонкий столб пара с запахом чабреца и дыма.

Налил немного чая в крышку. Горячая жидкость обожгла пальцы, но он всё равно поднёс её к губам. От первого глотка глаза на мгновение зажмурились — чай был крепким, с лёгкой горчинкой и вкусом, который не повторить ни в одном городском кафе. Глоток опускался вниз, разливаясь теплом

где-то в районе груди.

Артём сделал ещё один глоток, уже медленнее, и огляделся. Вокруг стояла тишина — но не пустая, а живая. Её нарушал лишь редкий шелест листвы, когда ветер пробежал по верхушкам, да далёкий, ритмичный стук дятла где-то в глубине леса. Воздух пах хвоей, нагретой солнцем землёй и чем-то ещё — чем-то неуловимым, чего не было в его бетонном районе. Чем-то, от чего внутри становилось чуть спокойнее.

Справа, в высокой траве, по пояс заросшей крапивой и диким щавелем, торчал низкий бетонный столб. Бетон потрескался от морозов и времени, а в глубоких трещинах пробивался бархатистый зелёный мох. Артём скользнул по нему равнодушным взглядом и прошёл мимо, даже не замедлив шага. Небольшая металлическая табличка, прикрученная ржавыми болтами, тускло блеснула на солнце. Цифры и буквы на ней давно выцвели, превратившись в нечитаемые серые пятна, но он даже не пытался их разобрать. Для него это был просто безликий кусок бетона, забытый здесь лесниками.

Впереди дорога продолжалась, но лес вокруг начинал меняться. Высокие светлые сосны постепенно уступали место мрачным, колючим елям. Они смыкались плотнее, их нижние ветки почти касались земли, отбрасывая на тропу густые тени. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь этот плотный зелёный свод, и воздух здесь сразу становился плотнее, пахло прелой хвоей и лесной сыростью.

Пальцы сами нашли в кармане джинсов мятую пачку. Артём вытащил сигарету, слегка помял её в пальцах и вставил в зубы. Щелчок зажигалки прозвучал в лесной тишине неестественно громко. Огонёк вспыхнул, обжигая кончики пальцев. Он жадно втянул воздух, и кончик сигареты неровно начал тлеть. Горький дым заполнил лёгкие, на секунду вытесняя все мысли. Артём выдохнул сизый дым. Тот повис в неподвижном воздухе между тёмными стволами елей, расплываясь и исчезая, словно его здесь и не было.

Сухой, сыпучий песок под ногами сменился плотной, утоптанной землёй. Тропу то и дело пересекали узловатые, одревеневшие корни, выбравшиеся на поверхность из-под слоя прошлогодней хвои. Приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться.

Дорога плавно, почти незаметно ушла вниз, в неглубокий овраг. Стоило сделать несколько шагов по склону, как температура ощутимо упала. Воздух здесь сразу стал плотнее, влажнее, он буквально прилипал к коже, оседая прохладной испариной на лице.

Солнце почти не доставало до дна. Здесь, в тени кустарников и тонких, гибких стволов молодых берёз, царил свой, замкнутый мир. Пахло прелой листвой, влажной землёй и той специфической, немного затхлой сыростью, которую издаёт стоячая вода где-то совсем рядом, скрытая в бурьяне. Даже звуки изменились: исчезал лёгкий шум ветра в кронах, зато в сырой траве громко и назойливо звенели мошки.

Артём замедлил шаг, осторожно переступая через глубокие рытвины, в которых хлюпала мутная вода. Подошвы кроссовок скользили по прелому слою прошлогодних листьев. Слева, в зарослях высокого папоротника, мелькнуло что-то неестественное. Природа не любит прямых углов и ровных линий, а здесь, среди хаотичной зелени, проступала чёткая, геометрическая форма. Он раздвинул широкие, мокнущие от росы листья и шагнул в сторону, всматриваясь в полумрак.

Из тёмной, почти чёрной и абсолютно неподвижной воды торчали старые деревянные рамы. Вода была настолько густой и спокойной, что казалась мутным зеркалом, в котором тускло отражались серые блики неба. Дерево разбухло, потрескалось и почернело от времени, превратившись в рыхлую, пористую массу. Рамы покосились, наполовину скрытые в бурой, пузырящейся тине.

На одной из уцелевших перекладин, прямо на границе воды и воздуха, ярко-зелёным бархатом разросся мох. Этот крошечный островок жизни на фоне общего гниения выглядел неестественно ярким. От воды шёл сладковатый запах прели. Казалось, это болото не просто стояло здесь, а втягивало их в себя, сантиметр за сантиметром. Оно переваривало чужеродные тела, стирая любые следы того, что здесь когда-то стоял дом.

Запах прели ударил в нос — и вдруг, ни с того ни с сего, в голове всплыл другой запах: горячая смола, свежие опилки,

цветущие яблони.

Я помню, как начал строить сарайку. Мне тогда казалось, что это самое важное дело на свете. Я тащил доски, тяжёлые, пахнувшие смолой. Рулетка звонко щёлкала, сматываясь обратно, а ножовка скрипела на весь участок. Мелкая золотистая пыль летела в лицо, оседая на губах и ресницах, отчего в горле першило, и я то и дело сплевывал. Щепки впивались в ладони, оставляя мелкие, саднящие занозы, но мне было всё равно. Я даже не замечал боли.

Я с размаху забивал гвозди, чувствуя приятную отдачу в плече и предплечье, и смотрел, как из разрозненных, пахнущих лесом брусков рождается настоящий каркас. Мой каркас. Вокруг стоял июньский гул пчёл. Резкий, терпкий запах свежей древесины и опилок смешивался с дурманящим ароматом цветущих яблонь.

Я ещё не знал, что через год дачу продадут. Что мы уедем, и я больше никогда сюда не вернусь. А пока я просто создаю то, что придумал у себя в голове. И мне казалось, что это — навсегда.

Холодный, едкий дым защипал глаза, заставив невольно моргнуть. Артём стряхнул длинный столбик пепла на влажный, пружинистый мох. Серая пыль мгновенно впиталась в сырую зелень, исчезнув без следа.

Он снова поднял взгляд на раму. Вода в овраге стояла чёрной массой, и в её мутной, неподвижной толще покосившееся дерево казалось ещё более безнадёжным. Или ему просто

казалось из-за усталости? Здесь, на дне этого сырого ущелья, время текло совсем иначе. Оно не шло вперёд, а застывало, стирая границы между тем, что было, и тем, что есть.

Он сделал ещё одну, жадную затяжку, чувствуя, как горький дым оседает на языке, смешиваясь с привкусом болотной сырости. Пора было идти. Артём бросил тлеющий окурок в сырую, прелую листву. Тот тихо шипнул, выпустив последнюю тонкую струйку пара, и сразу погас, словно лес не принял даже этого маленького огня.

Он поправил лямку рюкзака, которая за время остановки успела болезненно врезаться в плечо, и решительно шагнул на тропу, выбираясь из оврага. Он старательно вытеснял из головы мысли о том, сколько ещё всего он успел потерять по своей глупости. Пытался сосредоточиться на шорохе собственных шагов, на ритме дыхания. Но эта мысль, как глубокая, воспалённая заноза, сидела в самом сердце, напоминая о себе тупой, ноющей болью с каждым новым шагом по сыпучему песку.

После сырого холода оврага подъём в гору дался непросто. Икры напряглись, дыхание участилось, но с каждым шагом вверх тело начинало отогреваться. Сосны здесь стояли реже, их высокие стволы не смыкались в глухой свод, и на широкую песчаную тропу лились почти горизонтальные, тёплые лучи солнца. Они рисовали на земле длинные, чёткие тени и слепили глаза, заставляя щуриться.

Идти стало физически тяжелее. Песок на солнце полно-

стью высох, превратившись в мелкую, сыпучую пудру. С каждым шагом подошвы кроссовок скользили назад, издавая тихий, шуршащий звук, и ноги уходили в него по щиколотку. Но, несмотря на усталость, в груди почему-то становилось легче, словно вместе с высотой уходила и та болотная тяжесть.

Воздух здесь был совсем другим — сухим, звенящим от жары. В нём стоял запах нагретой сосновой смолы, смешанный с лёгким ароматом разогретой хвои. Казалось, сами деревья выдыхали это тепло, и оно впитывалось в кожу.

Артём остановился, чтобы перевести дух. Он сдвинул лямки рюкзака, чувствуя, как под тканью футболки скатывается капля пота. Солнце пекло в макушку, но этот жар был приятным, живым, он впитывался в остывшие после оврага кости. Высоко над головой лёгкий ветерок шевелил верхушки деревьев. Сухая хвоя тёрлась друг о друга, издавая мягкий, монотонный гул, похожий на шум далёкого морского прибоя.

Он закрыл глаза на секунду, подставляя разгорячённое лицо теплу. В этот момент не было ни прошлого, ни будущего — только свет, шум ветра и запах смолы.

Вот бы сейчас припарковаться где-нибудь у горной реки, где вода бирюзовая и такая чистая, что видно каждый камешек на дне. Вечер опускается: небо становится сначала розовым, потом фиолетовым, и наконец — чёрным, усыпанным звёздами, которых не бывает в городе. Развести на берегу

костёр, чтобы оранжевые языки пламени плясали в темноте. Повесить между соснами гирлянду — тёплые огоньки качаются на ветру, отбрасывая на землю причудливые тени.

Она сидит рядом на складном стуле, поджав под себя ноги, с кружкой горячего чая в руках. Волосы растрепались от ветра, на щеке — веснушка, которой утром не было. Она смеётся над чем-то, что сказал сын, и этот смех тише шума реки, но я слышу его лучше всего на свете. А он — мой маленький — бежит у костра с палкой, тычет ею в угли, пускает искры. «Пап, смотри!» — кричит он, и я киваю, хотя уже в сотый раз смотрю. Он устал, зевает, трет глаза кулаком, но не хочет идти спать. «Ещё пять минут, пап. Ну пожалуйста».

Я сижу, обмотавшись пледом, смотрю на них двоих, и внутри разливается такое спокойствие, что почти больно. Вокруг темнота, но мне не страшно — я дома, где бы я ни был. Завтра можно проснуться с первыми лучами солнца, упаковать вещи и поехать дальше. Или остаться ещё на день. Или повернуть туда, куда глаза глядят. Никаких планов. Никаких дедлайнов. Никаких людей, которые что-то от тебя хотят. Только мы трое, дорога и свобода выбирать. И это будет наш выбор.

Артём медленно открыл глаза. Яркий солнечный свет на секунду ослепил его, заставив снова прищуриться. Ветер стих, и лес вокруг словно затаил дыхание, замерев в своей смолистой тишине. Никакого шума реки, никакого детского смеха — только сухой, монотонный шелест хвои где-то

очень высоко над головой.

Он тяжело вздохнул, выталкивая из лёгких нагретый воздух, и поправил ляжку рюкзака. Ткань снова больно врезалась в плечо, напоминая о весе, который он тащит на себе. Артём пошёл дальше.

На губах всё ещё скользила слабая, тёплая улыбка — отголосок только что увиденной картинки. Но она тут же погасла, стоило ему сделать первый шаг. Сухой, скрипучий хруст песка под подошвами кроссовок окончательно разогнал иллюзию, оставляя его наедине с пустой, бесконечной дорогой.

Сырой холод оврага наконец-то остался внизу. Дорога снова поползла вверх, и Артём почувствовал, как к лицу приливает жар. Он шёл уже не первый час. Монотонный, глухой хруст сухого песка под подошвами начал вводить в какое-то полудремотное состояние. Ритмичный шаг, шум крови в ушах, слепящие блики солнца на хвое... Мысли о прошлом на время отступили, растворяясь в раскалённом воздухе, уступив место простой, понятной усталости.

Вдруг среди выгоревшей зелени взгляд зацепился за низкие, густые кусты, раскинувшиеся по обеим сторонам тропы. Черника. Ягоды были мелкими, но их было много — тёмно-синие, почти чёрные капли, прячущиеся под матовыми, резными листьями.

Артём остановился, с лёгким кряхтением присел на корточки. Инстинктивно, как в детстве, пальцы сами потянулись к веткам. Он срывал ягоды по одной, чувствуя, как под ног-

тем лопаются тонкие кожицы, оставляя на подушечках липкий, охлаждающий сок. Воздух вокруг мгновенно наполнился терпким, чуть горьковатым запахом раздавленных листьев — тем самым резким ароматом, который невозможно спутать ни с чем.

Он отправил горсть в рот. Кисло-сладкий, вяжущий вкус взорвался на языке, окончательно перебивая ввевшуюся горечь сигаретного дыма. Артём собрал ещё немного, с любопытством разглядывая свои пальцы, густо испачканные фиолетовым соком. Открутил крышку термоса — тот тихошипнул, выпуская струйку пара. Бросил внутрь горсть ягод. Они с лёгким всплеском ушли в горячую воду. Чай на глазах начал менять цвет, приобретая тёмно-рубиновый оттенок, а от горлышка теперь шёл пар с новым, пряным ароматом леса и ягод.

Он закрыл крышку, спрятал термос в рюкзак и пошёл дальше, вытирая испачканные пальцы о джинсы. Мысли куда-то исчезли. Не было ни прошлого, ни будущего, ни города с его бесконечной суетой. Был только этот залитый солнцем лес, шум ветра в верхушках сосен и кислый вкус черники на губах.

Солнце уже заметно сместилось, и его лучи, скользя по верхушкам сосен, окрасились в медовый цвет. Свет стал косым, пробиваясь сквозь стволы под острым углом, и в этих золотых столбах кружилась пыльца и мелкая мошкара. Тени от деревьев вытянулись, превратившись в длинные, тёмные

полосы, которые перечеркнули всю тропу.

Вместе с солнцем уходило и дневное тепло. Воздух стремительно остывал, и лёгкий вечерний ветерок, который раньше казался приятным, теперь неприятно охлаждал вспотевшую шею и заставлял ёжиться. Дневной лесной гул стих. Птицы замолчали, прячась в густых кронах, и тишина стала более глубокой, почти звенящей. День подходил к концу, и в этом закатном свете лес казался одновременно и невероятно красивым, и слегка чужим, напоминая, что до темноты осталось не так много времени.

Артём открыл крышку термоса, и в остывающий воздух ударил столб пара, пахнувший раздавленными ягодами и чабрецом. Он сделал небольшой глоток из маленькой пластиковой чашки. Рубиновый чай с черникой был всё ещё обжигающе горячим. Жидкость приятно обожгла язык и разлилась глубоким теплом по груди.

Но стоило ему сделать выдох, как первая вечерняя прохлада снова напомнила о себе. Мелкие мурашки пробежали по рукам и шее, где остывший дневной пот теперь неприятно охлаждал кожу. Лес стремительно остывал вместе с уходящим солнцем, и этот резкий перепад температур заставлял невольно ёжиться, вжимая голову в плечи.

В стороне от тропы, в небольшой заросшей ложбинке, укрытой от ветра низкими еловыми лапами, он увидел знакомый силуэт. Кострище.

Оно выглядело так, словно здесь не ступала нога челове-

ка уже много лет. Неровный круг из потемневших, местами поросших бледным лишайником камней. Копоть на них давно выцвела, смешавшись с серым цветом времени. Внутри, в самом центре, лежала слежавшаяся, мокрая от вечерней росы зола, похожая на грязный, рыхлый снег. Посреди этой серой массы наполовину утонул почерневший чурбак. Дерево размякло и превратилось в труху, а сверху его уже пустил корни и заплёл своими нитями ярко-зелёный мох.

Рядом, в высокой траве, валялась ржавая металлическая решётка. Она была изогнута и покорежена старым жаром, а теперь окислялась, оставляя на земле тусклые оранжевые подтёки.

Артём постоял рядом, чувствуя, как от земли поднимается сырой, холодный воздух. От этого места веяло не уютом, а застывшим, безмолвным одиночеством. Казалось, лес просто поглотил эту поляну, оставив от человеческого тепла лишь горстку мокрой золы и ржавое железо.

Артём сделал несколько шагов и тяжело опустился на соседний, ещё крепкий валун. Камень оказался холодным и шершавым, пропитанным вечерней сыростью, но он почти не почувствовал этого — ноги гудели от усталости, и телу просто нужна была опора.

Он смотрел на мёртвые угли. Серая, слежавшаяся масса, в которой не осталось ни искры, ни тепла. Лишь тонкий слой пепла слегка дрожал и поднимался мелкой пылью от лёгкого вечернего ветра.

И на фоне этого остывшего, безжизненного пепла в голове невольно, с пугающей чёткостью всплыла та, недавняя картина. Оранжевые, живые языки пламени, пляшущие в темноте и отбрасывающие тёплые блики на лица. Тонкая гирлянда между соснами, чьи огоньки отражаются в глазах жены. Её смех — тихий, родной, перекрывающий шум реки. И сын, который бежит вокруг, укутавшись в шерстяной плед... Картинка была настолько яркой, что он почти физически почувствовал запах живого дыма и тепло, идущее от костра. Но стоило моргнуть, как видение мгновенно растворилось, оставив перед глазами лишь ржавую решётку и холодные камни.

Контраст ударил в грудь, перехватив дыхание. Там, в голове, всё ещё стоял запах живого дыма и слышался смех. А здесь... Артём протянул руку и коснулся пальцем ржавой решётки. Металл оказался шершавым, покрытым хлопьями рыжей окалины, и неприятно ледяным.

Это место было выжжено дотла. Когда-то здесь тоже трещали поленья, грелись чьи-то руки, но теперь осталась лишь мокрая, пахнущая кислой гарью зола да покореженное железо. Лес уже начинал затягивать поляну мхом и высокой травой, стирая последние следы человеческого тепла.

Никто не подойдёт к этому костру. И никто не разведёт его снова.

Он допил чай. Пластиковая крышка холодила губы, а сам напиток, постояв на ветру, стал едва тёплым, отдавая в кон-

це кислой, вяжущей терпкостью. Артём поставил пустую ёмкость на холодный камень.

Вечерняя прохлада наконец-то пробила его защиту. Она впитывалась в поры, остужая разгорячённую за день кожу и заставляя стечь пот на спине. Футболка неприятно холодила лопатки, а пальцы, сжимавшие термос, начали неметь.

Вставать не хотелось. Ему было хорошо просто сидеть и смотреть в одну точку. Но и оставаться здесь, глядя, как в сгущающихся сумерках последние очертания остывших, никому не нужных углей сливаются с тёмной землёй, было невыносимо. Этот мёртвый костёр словно высасывал из него последние силы, оставляя только зябкую дрожь.

Солнце уже почти коснулось вершушек деревьев, когда Артём понял, что дальше идти бессмысленно. Свет стремительно угасал, меняясь на глазах: медовый цвет сменился тусклым, медным, и тени от стволов сгущались, вытягивались, пока лес не превратился в чёрный, непроницаемый лабиринт. Где-то вдалеке, уже ниже по склону, каркнула ворона — хрипло, с вызовом, и её крик эхом отозвался между соснами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.